

История о том, где и как сегодня живут потомки дворян Потемкиных и Нарышкиных.

Наши во Франции:

Я. Я. Вильсон

Удивительны бывают, казалось бы, совершенно случайные встречи и знакомства. Ненадолго они заставляют взглянуть на события давно ушедшего прошлого совсем с другой стороны, вовсе не с той, которую открывали нам советские учебники истории.

Такое интересное знакомство поджидало недавно бобрыйчанку Татьяну, отправившуюся погостить к друзьям во французскую Ниццу. В местном православном храме, где по воскресеньям на службу собираются русские, кто-то из тамошних прихожан, обратив внимание на «новое лицо», поинтересовался: «Откуда вы к нам приехали?». На ответ, что из Беларуси, обернулся рядом стоящий пожилой мужчина: «Я тоже из Белоруссии! Точнее, мои корни из-под Мозыря. Там у нас остались 2000 гектаров земли, подарили коммунистам...».

Так началось знакомство с Яковом Яковлевичем Вильсоном, как выяснилось несколько позже, — одним из потомков известных в России дворянских родов Нарышкиных и Потемкиных...

Следующая встреча Татьяны с Яковом Яковлевичем состоялась уже в скайпе, в разговоре участвовал и журналист «Коммерческого».

Первое, на что обращаешь внимание в окне скайпа за спиной собеседника — огромный стеллаж с книгами...

— В основном все эти книги на русском языке, — поясняет Яков Яковлевич. — Я их перечитываю время от времени. Особенно люблю читать «Историю государства Российского», «Тихий Дон» Шолохова... Все эти книги покупал по случаю во время поездок в Украину — в Киев, Белоруссию...

Герой наполеоновских войн Я. А. Потемкин

ОТ ДВОРЯН ПОТЕМКИНЫХ И НАРЫШКИНЫХ

— Как случилось, что мы с женой Надеждой Александровной, наши дети и внуки оказались вдали от Белоруссии и России? Ответ краткий: была революция...

Бабушка Елена Яковлевна по линии папы была урожденной княжной Потемкиной. Ее отец — генерал Яков Алексеевич Потемкин. Эта фамилия идет от генерал-лейтенанта, героя наполеоновских войн Якова Алексеевича Потемкина. Мои прадеды Потемкины были все генералы... Сын Якова Алексеевича Потемкина — Александр Яковлевич был женат на Варваре Петровне Нарышкиной — так род Потемкиных соединился с родом Нарышкиных, среди детей которых и был Яков Александрович, отец бабушки.

А моя мама Ольга Васильевна Луковенко родилась в деревне Тараша под Киевом. Когда началась революция, она оказалась во Львове. Мой прадед по папе Иван Иванович Вильсон был в Петербурге сенатором, действительным тайным советником. А вот дед был просто помещиком в имении Лучицы под Мозырем. Но для папы, родившегося в 1898 году, была предопределена карьера военного. Поступил до революции в Пажеский корпус в Санкт-Петербурге, затем — в Николаевское кавалерийское училище. Из училища — прямо на гражданскую войну, служил у Деникина... Его часть отошла на территорию Польши, там он демобилизовался и вскоре познакомился с моей мамой. Они поженились, в Польше родился мой старший брат Олег, я — на восемь лет позже — в 1932-м, уже во Франции. Семья переехала во Францию в Лотарингию, где папа работал шахтером. Тогда родились и наши две сестры. В последние годы родители жили в доме престарелых, мама заведовала кухней, а папа занимался хозяйством...

Яков Яковлевич отлично помнит свое детство. Несмотря на то старания родителей, детям приходилось голодать, ходить босиком. Бывало, учителя не пускали братьев Вильсон в школу, выгоняли из класса по той причине, что дети эмигрантов приходили учиться босыми. Нет, коренные французы в те сложные 40-е не голодали,

Родители Я. Я. Вильсона: Я. Я. Вильсон и О. В. Луковенко

Е. Я. Потемкина (бабушка Я. Я. Вильсона)

жили гораздо лучше. А вот семьям эмигрантов приходилось очень туго. Кстати, дома в детстве Якова Яковлевича говорили только на русском. Всегда оставались русскими. Французский язык с братом Олегом они начали учить только когда пошли учиться во французскую школу.

А потом была война. Папа стал участником движения Сопротивления. При немцах он работал переводчиком в госпитале для русских офицеров и солдат власовской армии, так как отлично знал французский, немецкий и русский языки. Его прабабушка была французенка, в семье все знали французский...

История семьи супруги Надежды Александровны не стала исключением из судеб других русских эмигрантов. Ее родители до революции жили в Одинцово в Москве, там у них был свой большой дом. Ее отец ушел на Первую мировую войну воевать добровольцем. Было ему тогда восемнадцать лет... Позже он оказался в Польше, потом — во Франции.

— Моя супруга всегда счи-

Сына Якова отдала в Пажеский корпус, дочь Елизавету — в Смольный институт для благородных девиц.

А бабушка очень любила девушек из деревни. Был к ним щедр, одаривал по всем праздникам подарками. Бывало, на праздники в помещичий дом приходили за подарками одновременно по 12-15 девушек. От такой большой любви помещика, конечно же, каждый год рождались дети. И очень религиозная тетя Елизавета во избежание того, чтобы дети остались некрещеными, каждый год приезжала летом из Питера крестить детей своего отца в Лучицы. Бывало, одновременно устраивали крестины десятку малышей.

— Одна из деревенских девушек, гораздо младше деду, любила его необыкновенно. Звали ее Анота. После революции деду вместе с бабушкой, моим отцом, тетей Елизаветой и этой Анотой с большими трудностями на паровозе удалось переехать через границу.

У деду еще до революции было пристрастие — дважды в год из Гомеля он выезжал в Монте-Карло, где играл в рулетку. Это было традицией: собирать доходы от крестьян, деньги от должников — и отдавать в Монте-Карло. Чаще всего он проигрывал...

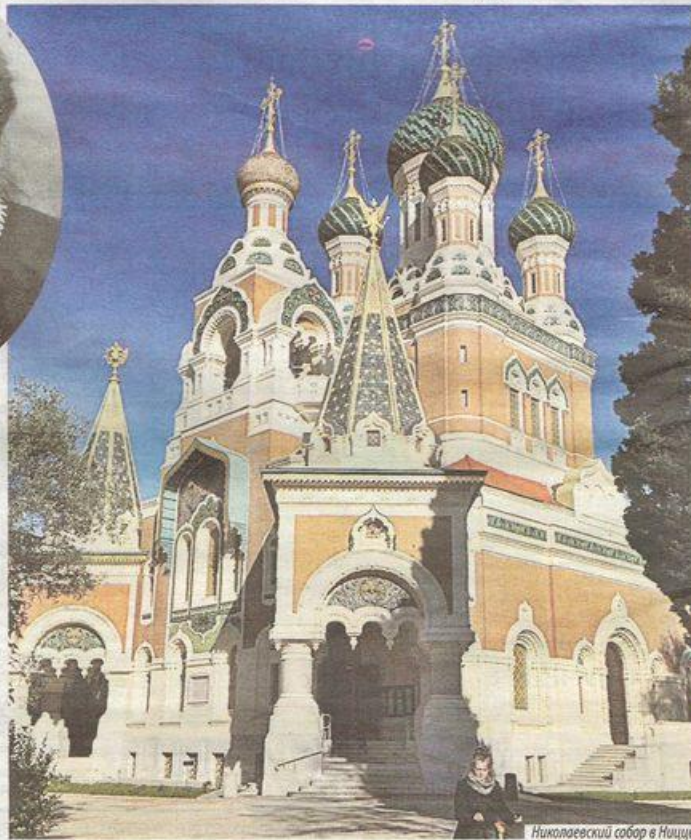
Уже гораздо позже тете Якова Яковлевича довелось побывать на выставке вещей, которые закладывали игроки, в том числе и русские, в Монте-Карло. На этой выставке она обратила внимание на огромный серебряный самовар точно с такими же узорами, как и на ее любимой сахарнице из фамильного, выполненного по заказу прадедов сервиза...

Как попал самовар на выставку — у нее не было никаких сомнений... Дед его заложил, когда нужны были деньги, чтобы играть и проигрывать.

ЛЮБИЛ ПОМЕЩИК ДЕВУШЕК...

— Интересна судьба моего деду, — улыбается Яков Яковлевич, по-доброму вспоминая семейные истории, предания и курьезы. — У петербургского сенатора Ивана Ивановича Вильсона был очень избалованный сын, который вовсе не стремился к серьезной карьере. Его вполне устраивало быть помещиком под Мозырем.

Так вот, дед Якова Яковлевича обладал особым барским нравом. А бабушка, родив супругу дочь и сына, предпочла жить на расстоянии от своего благоверного. Она жила в Питере, занималась воспитанием детей.

Николаевский собор в Ницце

«Мы остаемся русскими...»

Казино в Монте-Карло, 1930-е годы

Улица Школьная в Лучицах, 2015 год

УДАЧНАЯ СДЕЛКА, ИЛИ КАК ПОМЕЩИК ПРОДАЛ КОЛХОЗНЫЕ ЗЕМЛИ

При таком легком и беззаботном нраве с дедом случались порой невероятные курьезы. Уже в 30-е годы во Франции он случайно встретил соседа-поляка по белорусскому имени. Там они оба обсудили вопрос, что земли Вильсона врезались клином в угодыя, принадлежавшие ранее поляку. Двух соседей-помещиков ни капли не смутил тот момент, что после революции в Белоруссии уже больше десятка лет хозяйничали большевики. И дед, и поляк были уверены, что их ситуация временна, и оба обязательно скоро вернутся в свои мозырские поместья. В итоге кусок земли возле Лучиц, по факту принадлежащий местному колхозу с названием «Путь к коммунизму», был продан поляку за немалую сумму — 30 тысяч франков. На радостях дед сразу же отправился с этой суммой в Монте-Карло. Там ее всю и оставил...

Надо отдать должное безграничной любви крестьянской девушки Анюты к безалаберному деду.

Уже будучи во Франции, где дед после многочисленных проигрышей оказался абсолютно без денег, Анюта продолжала его любить и давать деньги, которые он моментально спускал в Монте-Карло в Монако. Анюте деньги доставались очень трудно. Она устроилась на металлургический завод, где в тяжелых условиях производили чугун. Все, что она зарабатывала, он проигрывал. Сам же дед за границей не работал ни одного дня. Анюта продолжала содержать деда до его смерти в 1937 году, сама умерла в 50-е.

КАК БЕДНЯКИ СТАЛИ КУЛАКАМИ

Что стало с именем в Лучицах? По словам Якова Яковлевича, когда хозяйка бежала, дом и усадьба были полностью разграблены. Всю землю сначала распределили по беднякам. Счастья им это, увы, не принесло. Уже в 30-е годы бедняки, которые внезапно «окрепли» на бывших помещичьих землях, были объявлены кулаками. Почти все они были выселены и репрессированы. Рассказывали Якову Яковлевичу, что во время раскулачивания в Лучицах были даже бои. Кулаки отчаянно сопротивлялись, убили комиссара, который занимался раскулачиванием. Теперь его именем названа главная улица в Лучицах.

Большевики разрушили местную церковь. У Якова Яковлевича сохранились его дореволюционные фотографии. Три года назад, когда он специально из Франции приехал в Мозырь, чтобы побывать в Лучицах, показывал эти фотографии старой церкви местным жителям. Все только удивлялись, мол, неужели в Лучицах была такая красота?

Помещичий дом простоял несколько дольше. Он был разрушен в годы Второй мировой войны.

— На месте отцовского дома сегодня просто осталось углубление в земле... Местные жители использовали от него все, что можно было, в качестве строительного материала для своих домов. Увезли и камни фундамента. Неподалеку от места, где стоял дом, остались еще руины помещичьего спиртзавода.

Во время поездки в Лучицы Яков Яковлевич побывал в двухэтажном коттедже, построенном рядом с родовым гнездом. Нынче в этом коттедже сдаются комнаты туристам, предлагают гостям удочки, ружья... Называется это агротуризм.

Как выяснилось, в Лучицах помещика Вильсона и его семью помнят. Учительница местной школы вместе с учениками собрала материал о нем и разместила в школьном музее. Яков Яковлевич послал ей фотографии из семейного архива.

ТЫ НАМ БОЛЬШЕ НЕ ПИШИ...

Сложно складывались в советские годы отношения с родственниками, оставшимися под большевиками. Точнее, все отношения были прерваны.

— Прежде мама была очень дружна со своей сестрой, которая осталась жить в Киеве, — вспоминает Яков Яковлевич. — Мама пыталась писать ей из Франции. Однажды сестра ответила: «О нас заботится Сталин, мы живем хорошо, ты нам больше не пиши...». На этом общение прекратилось.

Во время визита в Лучицы Якова Яковлевича поджидала еще одна удивительная встреча. Он ходил по деревне и спрашивал у местных жителей: «Кто знает что-нибудь о местном помещике?». Одна пожилая женщина, сидевшая на скамеечке у своего дома, указала на соседнюю улицу, посоветовала зайти во второй дом с левой стороны...

— Оказалось, что там жи-

Винокурный завод в Лучицах, 2015 год

вет моя троюродная сестра! Хозяйка дома оказалась внучкой моей бабушки! Увы, об этой сестре Кате я никогда не слышал от своих родителей. Догадываюсь, что по тем же причинам...

НАШИ РУССКИЕ ВНУКИ

Как сложилась во Франции жизнь русских эмигрантов? Яков Яковлевич работал техником по радиолокационным установкам — радарам. Ему приходилось ездить в многочисленные командировки. Но большая карьера не сложилась, так как он всегда считал се-

бя русским человеком, всегда симпатизировал русским и Советскому Союзу, учитывая его занятость в военной отрасли, о карьере с такой любовью к русским не могло быть и речи.

— На работе мои коллеги и начальство подозревали, что я русский шпион, — улыбается наш собеседник. — К тому же я состоял членом профсоюзной организации. А это был почти коммунизм.

Супруга Надежда Александровна работала в ЮНЕСКО секретарем у советского чиновника. Она очень любила свою работу, сохранила теплые дружеские отношения с русским начальником и коллегами.

— А дочка вообще лучше нас с женой говорит по-русски, — обращает наше внимание Яков Яковлевич. — Русский язык дочка учила во французском университете, работала во Франции в компании «Мерседес». Вышла замуж за француза, сейчас ее семья живет в Африке, в Абоне. У нас двое внуков. Старший Александр живет с нами в Ницце, окончил музыкальную школу, поступил в университет, чтобы изучать языки, в том числе русский. Младший — пятнадцатилетний Вадим — пока живет с родителями. Но не исключено, что учиться в вузе тоже приедет во Францию к бабушке и дедушке.

ФАЛЬШИВЫЕ ГРАНИЦЫ

Что сегодня, оборачиваясь назад, думает Яков Яковлевич о свершившейся в Рос-

сии революции, перипетиях в истории его семьи?

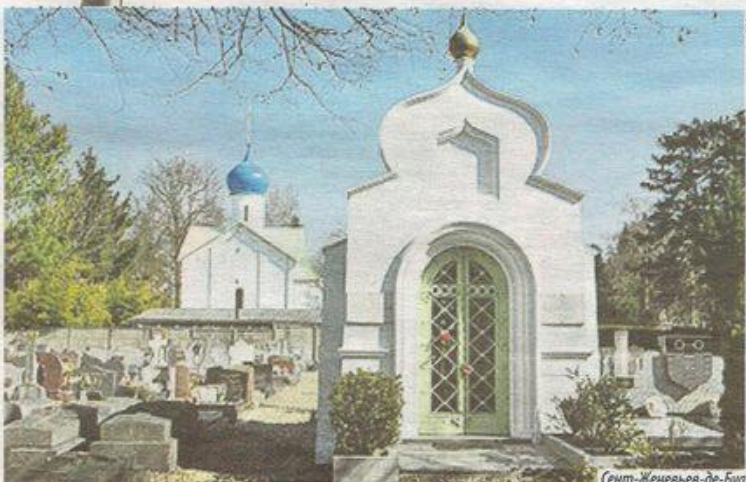
— Если бы не революция, — то и меня бы не было, — философски рассуждает внук мозырского помещика Вильсон. — Мои родители никогда бы не встретились. Мама осталась бы жить в деревне под Киевом, а папа наверняка делал бы карьеру на императорской службе в Питере... Революция их объединила. Папа похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, мама — на русском кладбище на юге от Парижа...

Я не историк, не представитель науки, но думаю, что у революции были свои положительные и отрицательные проявления. Без революции не развалился бы могучая держава Россия. Я и сейчас считаю, что границы, установленные после развала Советского Союза в 1991 году, фальшивые... Развал Союза — для всех русских очень негативное событие. Если бы не было фальшивых границ и все жили в одном государстве — избежали бы войны в Украине.

Яков Яковлевич сожалеет, что колхоз в Лучицах не стал успешным. Ему больно знать, что сегодня родовое имение, хорошие угодыя пропадают без крепкой хозяйской руки:

— Я на имение не претендую, не тот у меня уже возраст, здоровье, да и средств нет, чтобы заниматься таким большим хозяйством... Но будет очень жаль, если все это попадет в нехорошие руки и не принесет людям добра...

Галина ЧИРУК
Фото из архива Я. Я. Вильсона, музея Лучицкой СШ и из открытых интернет-источников

Сент-Женевьев-де-Буа